ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

Лопатин В.Н., Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности (РНИИС), г. Москва, Российская Федерация, *info@rniis.ru*

В статье автором с позиций исторического и сравнительно-правового анализа исследуются закономерности развития государства и права, и особенности их развития на современном этапе в России в условиях 25-летия Конституции РФ. Делается вывод, что сегодня мы переживаем переходный период от господства нормативизма к признанию верховенства естественного права, от уголовных репрессий в борьбе с преступностью к ее предупреждению, как приоритету государственной политики в этой области. Этот переход характеризует инерционность в правопонимании, смена ценностей, «дуализм» в государственной политике (борьба с преступностью и защита прав), когда уже не работает формула «власть на страхе», но еще не работает формула «власть на законе». Нужны не только новые законы, но и новые подходы, обеспечивающие интерес и ответственность граждан и общества в установлении и поддержании правопорядка в нашей стране в интересах сохранения целостности общества и государства и безопасного развития всех и каждого. Если сохранение целостности общества и государства для безопасного развития всех и каждого признать в качестве главной цели, то в качестве такого правила можно предложить поиск и выделение общего, как в признаках современного государства, так и в его сегодняшних функциях, как в содержании, так и в форме государственного устройства. Таким объединяющим началом могут и должны быть права и свободы человека и гражданина как высшая ценность общества и государства, определяющие смысл, содержание и применение законов, деятельность публичной власти.

Ключевые слова: права человека, конституция, государство, общество, правовая защита, правосознание, философия права, нормативизм, кризис ценностей, переходный период, Россия.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-21-27

UDC 34.01, 34.02, 342, 343

HUMAN RIGHTS AS A SOURCE OF LAW

Lopatin V.N., National Research Institute of Intellectual Property (NSRIIP), Moscow, Russian Federation, *info@rniis.ru*

The author explores in the article from the positions of historical and comparative legal analysis the patterns of development of the state and the features of its development at the present stage in Russia. He concludes that today we are experiencing a period of transition from the domination of the overly regulated to the recognition of the supremacy of natural law, from criminal repression in the fight against crime to its prevention as the priority of the state policy in this area. Transition characterizes the inertia in the legal thinking, changing of values, "dualism" in state politics (the struggle against crime and protection of rights), when it is not running the formula "power in fear", but still does not work the formula "power in law". We need not only new laws, but also new approaches that ensure the interest and responsibility of citizens and society in establishing and maintaining law and order in our country in order to preserve the integrity of society and the state and the safe development of each and every one. Such a unifying principle can and should be the rights and freedoms of man and citizen as the highest value of society and the state. defining the meaning, content and application of laws, the activities of public authorities.

Key words: human Rights, Constitution, the State, the Society, legal the Protection, legal awareness, the Philosophy of Law, the overly Regulated, the Crisis of values, the transition Period, Russia.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-21-27

Концепция естественных прав человека была впервые закреплена английским парламентом в 1689 году в Билле о правах, через 100 лет – в Конституции США, в 1993 году – в Конституции РФ. В статьях 17 и 18 Конституции РФ провозглашен новый правовой идеал, закрепивший верховенство естественных прав (основные права и сво-

боды человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения), верховенство права над законом, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность государственной власти и местного самоуправления. Анализ этих норм с учетом поло-

жений ч. 1 и 2 статьи 55 Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что права и свободы человека и гражданина уже 25 лет заявлены как источник права в современной России наряду с нормами писаного права.

Сегодня мы переживаем переходный период от господства нормативизма к признанию верховенства естественного права, от уголовных репрессий в борьбе с преступностью к ее предупреждению, как приоритету государственной политики в этой области. В то же время, государство по инерции продолжает работать с позиций только нормативизма, хотя уже четверть века действует Конституция РФ, закрепляющая иной доктринальный принцип. Более того, нормотворчество нередко и зачастую выступает одним из главных показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Также по инерции в обществе продолжает господствовать точка зрения, согласно которой правозащитная деятельность – это удел неправительственных общественных организаций, которые в советский период выступали в качестве оппозиции к власти. Подобная инерционность в правопонимании является одной из существенных характеристик сегодняшнего переходного периода, когда «де-юре» в соответствии с Конституцией России (1993) гарантом прав и свобод, т.е. главным правозащитником должно выступать государство, а «де-факто», признав эти права высшей ценностью, государство *только приступило* к созданию и отладке системы механизмов по обеспечению условий для их реализации.

С начала 1990-х гг. российское общество, «выходя из социализма», путем перманентных реформ прошло три этапа в ходе этих преобразований, где В.Н. Шевченко выделяет три главных мировоззренческих, идеологических вектора: больше европеизма, больше независимости, больше демократии и свободы [1, с. 102–152]. Среди ключевых проблем модернизации он выделяет:

- дискуссии и полярные оценки относительно исторического опыта предыдущих попыток модернизации российского общества (реформаторская деятельность Петра I, Александра II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, И.В. Сталина и реформы Гайдара 1990-х гг.);

- осмысление большого исторического опыта проведения различных видов модернизации с целью обоснования перехода к принципиально новой модели модернизации, выявление качественных измерений проекта, его базовых ценностных ориентиров;

- роль Российского государства в реализации целей и задач современного этапа модернизации, его устройства, путей и способов дальнейшей трансформации.

В связи с изложенным говорить о какой-либо конкуренции между государством и обществом в правозащитной деятельности, по меньшей

мере, неуместно, поскольку этот вопрос настолько тяжел, что места здесь хватит всем.

Поскольку попытки реализовать основные права и свободы человека и гражданина с позиций исключительности как естественного права, так и нормативизма, будут, на наш взгляд, малоуспешны, необходимо искать «золотую середину», баланс между первым и вторым в отработке механизмов и процедур реализации государственных гарантий обеспечения этих прав и свобод [2].

Не случайно на это обратил внимание Президент России В.В. Путин в своем выступлении, как на координационном совещании руководителей правоохранительных органов 12 марта 2003 года, когда призвал в решении этих задач осуществлять комплексный подход, основанный на тесном взаимодействии всех государственных и общественных правозащитных структур, так и в ноябре 2018 г. на Форуме НКО «Сообщество».

По данным двенадцатилетних социологических исследований Центра изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН (раз в 4 года опрашивалось 1500 респондентов из 12 регионов РФ) к 2002 году «существенного продвижения в осуществлении провозглашенных Конституцией прав и свобод человека не произошло. ... Причем, чем более значимо для граждан право, тем чаще оно нарушается». Наиболее часто нарушается право на безопасность и защиту личности (об этом заявило около 38%), в том числе постоянно ощущают свою незащищенность от роста преступности (1990 г.) около 75%, с 1992 по 2002 г. – свыше 95% заявляли о том, что воспринимают это как опасность № 1. По итогам исследования в 2002 г. его авторы сделали вывод, что «глубинным препятствием продолжения российской трансформации стало противоречие между ценностью свободы человека и необеспеченной его безопасностью» [3].

В рамках выполнения НИР на тему «Анализ процессов углубления социокультурной модернизации России 2012–2016 гг.» в этом же Центре было проанализировано состояние нематериального капитала в современной России и роли его структурных частей – человеческого, культурного, социального – в модернизации российского общества. Сравнение со странами Европы показало, что их роль в России неадекватна современным тенденциям мирового развития и недоиспользуется по сравнению с материальным капиталом, прежде всего природным. При характерном для России развитии человеческого и культурного капитала отдача от него значительно ниже, чем в других странах с близкими характеристиками. Препятствия в стране создаются институциональными особенностями функционирования экономического капитала, которые не позволяют полноценно использовать культурные и человеческие ресурсы для формирования развитого, современного общества. Обращено внимание на масштаб, структуру, уровни, качество социального капитала в России. Показано, что для повышения роли нематериального капитала

необходимо преодолеть структурно-институциональные препятствия российской модернизации и использовать поэтапную интегрирующую модернизацию, обеспечивающую движение России к реальному гуманизму как цивилизационному вектору ее эволюции. Инициативно проанализирован экзистенциальный опыт как социокультурный феномен индивидуального становления, связанный со структурой ценностей, с результатами духовной и художественной деятельности, артефактами и социальными объективациями. [4].

Как следует из результатов другого социологического исследования, россияне стали более циничными (отметили 54 % респондентов), а также менее честными и бескорыстными (соответственно 66 и 67 %) [5, с. 92].

Высокий уровень правового нигилизма граждан и низкий уровень авторитета государственной власти в современном обществе отражают две стороны одного процесса: *разрыв между реальной жизнью и писаным правом*, который прогрессирует. По-видимому, следует признать, что нормативистская теория права, как и политика наведения порядка и укрепления законности опираясь, прежде всего, на уголовно-правовые меры, терпят кризис. Очевидно, что сегодня уже не работает формула «власть на страхе», но еще не работает формула «власть на законе». Сегодня нужны не только новые законы и новые правовые нормы с использованием юридических фикций, позволяющих найти точные приемы в регулировании новых отношений, но и новые подходы, обеспечивающие интерес и ответственность граждан и общества в установлении и поддержании правопорядка в нашей стране в интересах сохранения целостности общества и государства и безопасного развития всех и каждого.

Если сохранение целостности общества и государства для безопасного развития всех и каждого признать в качестве главной цели, то в качестве такого правила можно предложить *поиск и выделение общего* как в признаках современного государства, так и в его сегодняшних функциях, как в содержании, так и в форме государственного устройства. Но общим может быть как положительное, хорошее, доброе, *за достижение которого объединяются*, так и нечто отрицательное, плохое, злое, *против которого происходит объединение*.

Примером первого может служить работа Платона (428/427–348/347 гг. до н.э.), который в своем известном диалоге «Государство» (книга четвертая), говоря об идеале справедливого государства, выделил три добродетели: мудрость – для правителей, мужество – для стражей (воинов), умеренность – для земледельцев и ремесленников, где эти три сословия существуют не изолированно, а в *единой целостности общественного организма и ради этой целостности на основе четвертой общей добродетели (здесь и далее выделено автором)* – справедливости (когда каждый делает только то

дело, к которому он способен по природе). При всем своеобразии заявленного понимания справедливости [6] для нас важен здесь именно подход – выделение общих добродетелей и достижение на этой основе целостности. Позднее этот принцип использовали английские философы Кумберленд и Джон Локк, голландский философ Спиноза в теории разумного сочетания общественных и частных интересов для поддержания главного естественно-правового принципа-закона самосохранения, французский философ Ж.-Ж. Руссо в своей концепции общественного договора *всех граждан* государства между собой, немецкие философы И. Кант и В. Гегель, русские ученые А.Н. Радищев, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин и др.

Примером второго подхода может служить формула Гоббса (1588–1679 гг.), который в своей книге «Левиафан...» выделил в природе человека три основных причины войны: соперничество, недоверие, жажда власти. «При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех... Пока люди живут *без общей власти, держащей всех их в страхе*, они находятся в состоянии войны всех против всех» [7]. Здесь для нас важен вывод, что против войны нужна общая власть, держащая всех в страхе. Несмотря на критику этой теории Гоббса как извне, так и изнутри школы «социальной физики», Петр I в обоснование своей власти абсолютной монархии при строительстве новой России использовал тогда именно теорию договорного абсолютизма Гоббса. По его поручению Феофан Прокопович подготовил трактат «Правда воли монаршей в определение наследника державы своей», который был признан правительством, помещен позднее М.М. Сперанским в «Полное собрание законов Российской империи» и стал официально признанным источником русского права. Несмотря на то, что К. Маркс заимствовал основные идеи Гегеля относительно истории и ее конечной цели – освобождения человека, в своей классовой теории государства, развитой Ф. Энгельсом, В.И. Лениным, и реализованной наиболее полно в нашей стране в XX столетии, он и его последователи, скорее, выступают ближе к Гоббсу и его идее «войны всех против всех». По их мнению, борьба между классами не только не ведет к всеобщей гибели, но и составляет постоянное содержание и смысл деятельности государства на пути к его отмиранию и будущему безгосударственному состоянию.

Таким образом, этот краткий историко-сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что в России за последние триста лет, независимо от формы государственного устройства, в государственном строительстве преобладал принцип «объединение против», что изначально не могло вести к сохранению целостности государства в интересах устойчивого и безопасного развития человека, общества и самого государства.

Решение задачи преодоления кризиса правопонимания и правосознания, равно как и уста-

новления соответствия правового идеала политическому и общественному на долгосрочную перспективу, возможно при реализации принципа «объединение за», обеспечивающего интерес и ответственность граждан и общества в установлении и поддержании правопорядка в нашей стране. Таким объединяющим началом могут и должны быть права и свободы человека и гражданина как высшая ценность общества и государства, определяющие смысл, содержание и применение законов, деятельность публичной власти.

Если оценить уголовную политику России, как главный инструмент принуждения для государства, с позиций объединения «против» преступности, то по данным профессора В.В. Лунеева (ИГП РАН), ее следует признать неудовлетворительной, так как осуждается к лишению свободы только 2 % лиц от числа совершаемых в стране ежегодно преступлений (с учетом латентности – совершается до 15 млн. преступлений, из которых регистрируется – до 3 млн., выявляются лица, их совершившие лишь в каждом втором случае, а осуждается из них около 800 тыс. человек) [8]. Если оценивать эту же политику борьбы с преступностью с позиций объединения «за» права и свободы человека в интересах сохранения для общества здоровых и работоспособных людей с активным социальным гражданским статусом, даже если они переступили закон, то ее также можно назвать неудовлетворительной, хотя и по другому критерию. Неоправданно широкое применение санкций в виде лишения свободы привело к тому, что Россия является мировым лидером

по числу лиц, находящихся в местах лишения свободы в расчете на 100000 жителей, опережая по этому показателю многие европейские страны в 10 и более раз. Лица, попавшие за решетку, возвращаются оттуда либо физически и (или) морально больными, либо пополняют ряды криминального мира, зачастую выступая осязком организованной преступности. По-видимому, следует признать ошибочными выводы о криминализации целого ряда правонарушений, за которые можно привлекать к административной ответственности, равно как и согласиться с предложениями о расширении применения более кратких сроков лишения свободы и альтернативных ему наказаний для лиц, совершивших преступления, не относящиеся к категории особо тяжких.

Этот «дуализм» роли государства (борьба с преступностью и защита прав) наглядно прослеживается по результатам анализа судебной статистики по делам о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина (таблица 1). Если число ходатайств о производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, по которым судом были ограничены права на неприкосновенность частной жизни, в 2017 г. выросло в 2–3 раза по сравнению с 2007 г., то число осужденных за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК РФ (ст. 136–149) все эти годы последовательно снижается (2017 г. – 8919, 2007 г. – 9548).

Таблица 1. Судебная статистика по делам о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина [9].

Ходатайства	Рассмотрено/ Удовлетворено 2007	Рассмотрено / Удовлетворено 2017
Ходатайства о производстве следственных действий		
- О производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	27675/26844	68872/66764
- О наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи (п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	7342/6983	13913/13593
- О контроле и записи телефонных и иных переговоров (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	79698 /76346	87003/ 84593
- о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (п. 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)		226384/ 220099
О проведении оперативно-розыскных мероприятий в соответствии со ст. 9 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»:		
- об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи;	190495/ 189591	588018/ 586116
- о получении справок по операциям, счетам и вкладам, составляющим банковскую тайну;		70462/69846
- о вскрытии нерозданных почтовых отправлений (ст. 21 ФЗ от 17.07.1999 г. № 176 «О почтовой связи»)		2917/2818

Осуждено за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК РФ (ст. 136–149)) за 15 лет 117591 человек, в т.ч.: 2003 – 2508, 2004 – 3935, 2005 – 6114, 2006 – 8887, 2007 – 9548, 2008 – 10028, 2009 – 10 24, 2010 – 9908, 2011 – 9359, 2012 – 7797, 2013 – 7367, 2014 – 7781, 2015 – 6880, 2016 – 8436, 2017 – 8919, в т.ч.: лишение свободы – 1092, исправительные работы – 2014, обязательные работы – 2857, штраф – 2354		

При этом ряд статей этой главы УК РФ вообще не применяются на практике. Например, как в 2007 г., так и в 2017 г. по ст. 140 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение прав граждан на доступ к информации (*неправомерный отказ должностного лица в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан*), в стране не зарегистрировано ни одного преступления.

Причины этого кризиса кроются не только в сегодняшних ошибках власти, но и имеют глубокие исторические корни. Это подтверждает и вывод, сделанный в свое время И.А. Ильиным (1883–1954) о том, что «человечество за последние века пережило великий *иррациональный* кризис, который захватил подсознательные корни веры, нравственности, науки, искусства и правосознания. Эти корни стали слабеть и отмирать. Этот кризис захватил и правовое чувство человека, обычно называемое правосознанием. Правосознание становилось беспочвенным; мотивы и побуждения его делались плоскими; оно теряло свое благородное направление, забывало свои первоначальные, священные основы и подчинялось духу скептицизма, которому все сомнительно, духу релятивизма, для которого все относительно, и духу нигилизма, который не хочет верить ни во что. Правосознание разучилось видеть добро и зло, право и несправедливость; все стало условным и относительным, водворились буржуазная беспринципность и социальное безразличие; надвигалась эпоха духовного нигилизма и публичной продажности» [10].

Некоторые причины этого вскрывает в своем исследовании французский правовед Рене Давид [11]. До XIX века во всех университетах Европы преподавалось образцовое право (*jus commune*) как совокупность норм, которые ни в одной стране не применялись во всей полноте, но в глазах правоведов они представляли собой наиболее совершенное выражение правильного понимания общественного порядка. При этом широко была распространена двоякая концепция права, когда под правом понималось и рациональное право, основанное на здравом смысле и преподаваемое в университетах, и право, практикуемое в разных странах.

В XIX веке в Европе произошла правовая революция, когда с кодификацией законов было утрачено понимание того, что в разных странах право носит местный, эмпирический, исторически

обусловленный характер. Преобладающей стала мысль, что наиболее рациональный порядок регулируется именно законом, который является национальным явлением по своей природе. Правовая наука перешла к изучению «местной юриспруденции», которая, с «позитивистской» точки зрения, единственная была достойна называться правом. И хотя, по оценке Рене Давида, эта тенденция в романо-германских странах европейского континента до конца доведена не была, по оценке И.А. Ильина, в Европе тогда расцвела абстрактная, формальная юриспруденция, которая считалась только с *положительным* правом и не хотела ничего слышать о *естественном* праве. *Расцвету формальной юриспруденции соответствовало пренебрежительное и разлагающееся правосознание*. Формула выродившегося и разложившегося правосознания была возвращена марксистами сначала теоретически, а потом и в революционной практике. Она может быть выражена приблизительно так: государство есть относительное, условное равновесие равных человеческих индивидуумов, которые суть не что иное, как материальные существа, подлежащие количественному исчислению. Государство есть не что иное, как хозяйственный механизм; строить его должна верхушка классовая, пролетарской коммунистической партии – в порядке централизма, диктатуры и террора; этой партийной верхушке массы должны беспрекословно подчиняться. Это состояние правосознания он охарактеризовал следующим образом: отрицание духа, духовной личности, духовной культуры, веры, семьи, родины и права как самостоятельных ценностей; сведение человеческой жизни к материальным процессам, материальным меркам и материальному благополучию; неверие в силу личной свободы, инициативы и органического, творческого равновесия личной и общественной жизни; вера в силу механической покорности, диктаторского приказа и запрета, в силу вражды, классовой борьбы, революции, всеобщей бедности и всеобщего уравнивания.

Такое «правосознание», по И.А. Ильину, есть правосознание только по видимости, на самом деле оно просто отрицает право как проявление духа и свободы, утверждая диктаторский, механический произвол. Поэтому оно обозначает последнюю, низшую ступень в разложении правосознания. И.А. Ильин видел только два пути дальнейшего развития: всеобщее крушение права, государственности и духовной культуры или же возрождение, очищение и обновление правосознания [10].

Говоря о сущности кризиса правосознания того периода, П.И. Новгородцев (1866–1924) отме-

чал, что политическая эволюция XIX века совершилась в двояком направлении: с одной стороны, постепенно падала вера в возможность совершенной и безошибочно действующей государственной организации, а другой стороны, функции государства бесконечно расширялись. *В то время как от государства стали требовать несравненно более, в него стали верить гораздо менее.* При этом если теоретики и сторонники правового государства признают его бессилие немедленно и до конца разрешить общественные противоречия, то его критики и противники говорят о его полной непригодности для идеальных целей. По-прежнему и через столетие для нас актуальны сегодня выводы П.И. Новгородцева о двух путях решения проблем в этой сфере: с одной стороны, «пылкие человеколюбцы снова хотят увлечь людей блаженством социального рая, свободой анархического быта, независимостью профессионального федерализма, подвигом свободной теократии», с другой стороны, «для людей практического дела это означает только переход от мечтаний к действительности, и вот почему при всей трудности положения у них не видно стремления сложить руки и отступить пред неизвестностью будущего. Они склонны, скорее, утверждать, что если в государство вообще теперь верят менее чем прежде, в том смысле, что не ждут от него всеобщего счастья, зато современному государству, ставшему ближе к народу, более доверяют, чем государству прошлого времени, и вследствие этого менее опасаются расширения его задач» [12].

Особенности современного кризиса состоят также в том, что при сохранении за государством обязанности гаранта прав и свобод человека и гражданина и функций главного правозащитника в современной России оно практически не участвовало в формировании правосознания у своих граждан.

В мировой практике существует три основных «приводных ремня», позволяющих обеспечить устойчивость и безопасность функционирования государства и общества: *религия, воспитание в системе образования, средства массовой информации.*

С учетом отечественного и зарубежного опыта очевидно, что даже при конституционном отделении церкви от государства (ст. 11 Конституции РФ) необходимо взаимодействие этих двух социальных институтов по объединению традиционных конфессий в выработку приоритетов по формированию индивидуального и общественного сознания, сохранению лучших духовных традиций народов России.

Понимание многими СМИ свободы печати как абсолютной свободы привело на деле к подмене тезиса о необходимости и возможности правовых ограничений тезисом запрета цензуры. Очевидно, что часть вины за нынешний разгул преступности и нивелирование прежних ценностей

лежит наряду с государством и его органами власти и на СМИ, через которые последние десятилетия в обществе насаждался культ жестокости, насилия, культурного потребления наркотиков и компромата, героизация бандитов и пропаганда войны всех против всех.

«Сознание человека оказалось практически беззащитным перед индустрией наращивания экзотических, а чаще извращенных плотских потребностей, перед опасностью массового растления, разврата, порнографии, наркотиков, по превращению их в главный мотив поведения и ценностного устремления. Только официально, т.е. существенно занижено, у нас 4 млн. наркоманов и 15 млн. алкоголиков, 60 тыс. человек ежегодно, согласно официальным милицмейским сводкам, сводят счеты с жизнью. По данным медицинских работников, на практике таковых в два раза больше. Быстрыми темпами идет деградация человека, деградация именно человеческого начала, нравственных принципов и смыслов [1, с. 70].

Кардинальный вопрос о человеческом в человеке дополняет и достигая своего максимума выключенность человека из общества в результате разрушения семейных, социальных и профессиональных связей.

Необходимы конкретные процедуры установления правовых ограничений деятельности СМИ и реализации свободы печати, как и их большая ответственность за сохранение целостности общества и государства в России.

Запрет государственной идеологии, закрепленный затем в Конституции РФ, вместо запрета огосударствления партийной идеологии привел тогда к тому, что государство отказалось, а общество еще оказалось не готово единолично и эффективно решать задачу формирования и воспитания человека и гражданина. Следует признать ошибочным положение, ставшее нормой Конституции РФ (часть 2 статьи 13) [13].

Если государство заинтересовано в реализации нового правового идеала, его объединении с общественным и политическим, чтобы права и свободы человека и гражданина стали реальным источником права, оно должно, как на федеральном, так и на региональном уровне, участвовать наряду с обществом в определении базовых, жизненно важных ценностей человека и гражданина и их формировании, нести за это ответственность, в том числе в воспитании через систему образования, правовые ограничения деятельности средств массовой информации, поддержку деятельности традиционных конфессий и запрет деятельности псевдорелигиозных организаций и сект деструктивного толка. Передача государственных функций должна происходить постепенно, только по мере формирования гражданского общества и его готовности к решению этой важнейшей задачи.

Литература

1. Современное государство, социум, человек: российская специфика / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2010. 243 с.
2. Лопатин В.Н. Права и свободы человека как источник права в современной России // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. д-ра юрид. наук. В.Н. Лопатина. СПб.: Изд-во «Юридический центр «Пресс», 2003. С. 74–83.
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: аналитический доклад по результатам четырех всероссийских исследований в рамках мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня»: 1990–1994–1998–2002 гг. М.: Институт философии РАН, 2002. С. 70. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/analit/analiticheskiy_doklad_2002.pdf (дата обращения: 17.10.2018).
4. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках / науч. ред. Н.И. Лапин. М.: ИФРАН, 2015. 189 с.
5. Козырева П.М. Правовое сознание и доверие // Политические исследования. 2008. № 4. С. 86–101.
6. Платон. Соч.: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 206–242.
7. Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 93–101, 129–143.
8. Лунеев В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 686 с. Сер.: Бакалавр. Академический курс.
9. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 23.10.2018)
10. Ильин И.А. О правосознании // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 222–223.
11. David Rene. Le Droit Compare: Droit d'hier, Droit de demain. Paris, Economica, 1982. С. 97–99.
12. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. V. Россия конец XIX–XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. М.: Мысль, 1999. С. 364–368.
13. Лопатин В.Н. Проблемы обеспечения конституционной законности в российском нормотворчестве // Конституция и законодательство. Кн. 2. По материалам международной научно-практической конференции. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2004. С. 111–120.

References

1. Sovremennoe gosudarstvo, sotsium, chelovek: rossiiskaya spetsifika / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; otv. red. V.N. Shevchenko. M.: IFRAN, 2010. 243 s.
2. Lopatin V.N. Prava i svobody cheloveka kak istochnik prava v sovremennoi Rossii // Prava cheloveka v Rossii i pravozashchitnaya deyatel'nost' gosudarstva: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf., 12 maya 2003 g. / pod red. d-ra yurid. nauk. V.N. Lopatina. SPb.: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr «Press», 2003. S. 74–83.
3. Lapin N.I., Belyaeva L.A. Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii: analiticheskii doklad po rezul'tatam chetyrekh vserossiiskikh issledovaniy v ramkakh monitoringa «Nashi tsennosti i interesy segodnya»: 1990–1994–1998–2002 gg. M.: Institut filosofii RAN, 2002. S. 70. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/analit/analiticheskiy_doklad_2002.pdf (data obrashcheniya: 17.10.2018).
4. Kasavina N.A. Ekzistentsial'nyi opyt v filosofii i sotsial'no-gumanitarnykh naukakh / nauch. red. N.I. Lapin. M.: IFRAN, 2015. 189 s.
5. Kozyreva P.M. Pravovoe soznanie i doverie // Politicheskie issledovaniya. 2008. № 4. S. 86–101.
6. Platon. Soch.: v 3 t. T. 3. Ch. 1. M., 1971. S. 206–242.
7. Gobbs T. Soch.: v 2 t. T. 2. M., 1991. S. 93–101, 129–143.
8. Luneev V.V. Kriminologiya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Izd-vo Yurait, 2016. 686 s. Ser.: Bakalavr. Akademicheskii kurs.
9. Ofitsial'nyi sait Sudebnogo Departamenta pri Verkhovnom Sude RF. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (data obrashcheniya: 23.10.2018)
10. Il'in I.A. O pravosoznanii // Sobr. soch.: v 10 t. T. 1. M., 1993. S. 222–223.
11. David Rene. Le Droit Compare: Droit d'hier, Droit de demain. Paris, Economica, 1982. S. 97–99.
12. Novgorodtsev P.I. Krizis sovremennogo pravosoznaniya // Antologiya mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T.V. Rossiya konets XIX–XX v. / Nats. obshchestv.-nauch. fond. M.: Mysl', 1999. S. 364–368.
13. Lopatin V.N. Problemy obespecheniya konstitutsionnoi zakonnosti v rossiiskom normotvorchestve // Konstitutsiya i zakonodatel'stvo. Kn. 2. Po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 2004. S. 111–120.

Поступила в редакцию 3 ноября 2018 г.
Received 3 November, 2018